

Отзыв о диссертации
на соискание учёной степени кандидата филологических наук
Пономаревой Дарьи Васильевны «Интерпретация вечного образа:
поэтика пьесы М. Булгакова “Дон Кихот”»
по специальности 10.01.01 – Русская литература

Дарья Васильевна Пономарева в своей диссертации «Интерпретация вечного образа: поэтика пьесы М. Булгакова “Дон Кихот”» исследует образы центральных персонажей пьесы в свете диалога творческой личности (заглавный герой) и мира «других» (Санчо Панса и Сансон Карраско). Ею впервые проводится целостный анализ булгаковского «Дон Кихота», в котором, помимо исследования основных образов персонажей, раскрываются жанровая природа, специфика хронотопа и особенности карнавализации в пьесе, а также предпринимается попытка исследования булгаковского видения донкихотовской ситуации в свете русской традиции освоения вечного образа. В исследовании в качестве объекта изучения избирается малоизвестная третья редакция пьесы как более художественно глубокая и «прозрачная» по смыслу.

В финале пьесы Дон Кихот приходит к сомнению в ценностях, к утрате веры в осуществление идеала, реальное преобразование действительности. Булгаков ставит своего героя, не сумевшего «расколдовать» мир, перед проблемой сохранения собственной духовной свободы и целостности творческого «я» поэта и воина. Преодолевая сомнения бунтом – то есть, заполняя образовавшуюся пустоту мужественным отвержением несправедливой действительности, Дон Кихот вновь входит в творческую жизнь как в игру в искусстве. На первый план выдвигается вера в непреходящую ценность высшей правды.

Окончательно стирая границы между искусством и действительностью, булгаковский художник фактически уничтожает грань между жизнью и смертью. Возможно, поэтому, получивший в сражении с Сансоном «незначительные» повреждения, рыцарь умирает как от смертельной раны. Смерть Дон Кихота, в которой обнаруживаются черты преодоления внутреннего разрыва трагического героя с реальностью, отстаивания внутренней свободы поэта, освобождения «юридического» от гонения «других», возвращения «части» в целое универсума и даже творческого акта художника-бунтаря.

Во второй главе «Художественное своеобразие пьесы М. Булгакова “Дон Кихот”» раскрывается художественное своеобразие пьесы, анализируются жанровые особенности «Дон Кихота».

Здесь рассматривается, как в «Дон Кихоте» происходит взаимопроникновение бытового и бытийного хронотопов, т.е. пересекаются враждебное Дон Кихоту «времяпространство» несвободы, осмеяния и диктата общепринятых норм и открытое большое время культурной традиции, зовущее художника к свободному творческому диалогу. Потерпевший поражение и не реализовавший мечту в действительности, Дон Кихот воплощает идеал и свободно реализует творческое «я», одержав символическую победу романтика, только в пространстве деятельного и ответственного творчества, преображающего быт. Это своеобразное пространство творчества, созданное воображением Дон Кихота-творца в зазоре между бытом и бытием, сферу творческих смыслов можно определить как третий большой хронотоп пьесы – хронотоп Золотого века, пространство творения. Ориентируясь на смысловое пространство культуры (бытие), концентрирующее в себе категории цели, справедливости, совершенства, гармоничного состояния человека и общества, Дон Кихот творчески переплавляет в единое целое рыцарский миф и миф о Золотом веке, воспринимая его в качестве предполагаемого

идеального мироустройства будущего. Творческое ответственное мышление Дон Кихота с помощью героико-романтического варианта «исторической инверсии» (наложения прошлого и будущего) стирает границу между жизнью и искусством, преобразая враждебную действительность быта и обогащая настоящее переосмыслением культурной традиции.

Во втором разделе «Карнавализация в пьесе М. Булгакова “Дон Кихот”» анализируется своеобразие карнавального начала в «Дон Кихоте». Карнавализация пьесы, способствующая испытанию идеала Дон Кихота и самого героя как его носителя, реализуется в наложении двух видов карнавальной образности: гротескного реализма, носителем которого является Санчо Панса, и романтического гротеска, связанного с образом Дон Кихота. При этом испытания идеи и самоосуществления героя-художника ориентированы на карнавальную серьезно-смеховую традицию. Завязка действия строится Булгаковым на создании исключительной ситуации, которая в духе мениппей провоцирует испытание философской идеи главного героя. Исключительность ситуации «на пороге» состоит в принятии Дон Кихотом переломного решения бросить прежнюю жизнь, уклониться от общей нормы. Далее действие разворачивается на перекрестке дорог, совмещающем в себе функции двух карнавальных хронотопов порога и площади.

Приключения Дон Кихота можно назвать «площадными катастрофами», побуждающими героя двигаться вперед. При этом в ходе драматического действия героический романтик постоянно находится в исключительной ситуации «на пороге», ставящей Дон Кихота перед необходимостью сделать нравственный выбор. Акцентирует это и признанное практически всеми сумасшествие героя, которое, в сущности, является пограничным состоянием творческой личности, чувствующей все явления мира гораздо глубже, чем окружающие. Кульминация мениппейного испытания идеи рыцарского служения творческой личности, т.е. совместимости героической и романтической составляющих, соответственно разделяется на две части – диалог Дон Кихота с Духовником, и сражение с Сансоном Карраско. Монолог героя, завершающий словесную дуэль с Духовником, становится значимой победой Дон Кихота, символическим триумфом слова творческого, способного изменить судьбу человека.

В третьем разделе «Жанровая природа пьесы М. Булгакова “Дон Кихот”» раскрывается жанровая специфика пьесы. Покидающий родной дом Дон Кихот предстает субъектом личной ответственности, который противопоставляет свое «я» жизни «других», т.е. обществу. Он оценивает свои действия по отношению к миру «других», одновременно признавая свою причастность к внешнему миру и внутренне отстраняясь от него как недолжного. Внутренняя избыточность героического романтика, чувствующего неполноту самореализации и противостоящего не вселенскому миропорядку, а другому «я», миру «других», характеризует личность Дон Кихота-художника как драматическую. Несмотря на присутствие в пьесе трагической составляющей, булгаковского рыцаря трудно назвать трагической личностью, обреченной на конфликт с надличностными силами (Роком) и неотвратимо гибнущей независимо от её действий или бездействия. Амбивалентный лейтмотив судьбы, с одной стороны, усиливает драматическое страдание (близкое к трагизму) героя-творца. Именно это драматическое страдание и является в пьесе смыслопорождающим. С другой стороны, мотив не только безжалостной, но и благосклонной судьбы вводит важную для Булгакова проблему творчества и ответственности художника перед своим творением.

Драматическая коллизия противостояния героя и непонимающего его мира «других» реализуется в противоречии между внутренней свободой самоопределения Дон Кихота и внешней событийной несвободой его самопроявления, в ироничном несовпадении божественной сущности и внешней кажимости, неявленного и явного. С одной стороны, Дон Кихот стремится обмануть тяготеющий над ним злой рок как трагический герой, а с

другой — как герой комедии считает, что может изменить свою судьбу, но то, к чему он стремится, обычно совершается не по его воле, а по воле случая.

Драматический путь самоосуществления булгаковского художника, творящего на границе быта и бытия, соединяет мистику (драматургическую мениппею) с буффонадой. Признавая сложный синтетический характер булгаковской пьесы, присущий всем драматическим произведениям XX в., диссертант считает возможным определить пьесу как романтическую драму самоосуществления Дон Кихота-творца, судьбой которого становится сознательно избранный путь реализации своего «я» в мире «других».

В третьей главе «Дон Кихот» М. Булгакова в свете русского мифа о Дон Кихоте пьеса Булгакова рассматривается в контексте русской традиции донкихотства. Художественный мир романтической драмы самоосуществления творца, созданный средствами карнавализации, системы двойничества, диффузии хронотопов и жанрового синтеза, строится на пародийном удвоении, в основе которого лежат актуализация и переосмысление «чужого слова» традиции, своеобразный диалог с ней.

В первом разделе третьей главы «Пародирование классической традиции донкихотства в пьесе М. Булгакова “Дон Кихот”» характеризуется своеобразие осмысления классической традиции донкихотства в произведениях русских писателей XIX в. В процессе переакцентуации донкихотовской ситуации драматург переосмысливает романтическую традицию философской драматизации судьбы художника, синтезируя в образе своего героя романтическую мысль эгоистичного мечтателя Гамлета и героическую волю Дон Кихота-энтузиаста, по мнению И. Тургенева, в одиночку отчаянно сражающегося за великую мечту. Пародирование донкихотства, жертвенно служащего идеалу «рыцаря бедного» А. Пушкина, в пьесе происходит в травестийном смещении трагического и комического. Роднит рыцарей Булгакова и Пушкина возвышающая их над миром «других» необычность, которую окружающие принимают за сумасшествие. Именно в этом романтизированном пространстве поэтического безумия герои по-настоящему свободны и счастливы. В жестокой реальности их ждут лишь пустота и плен. Дон Кихот Булгакова и донкихотствующий пушкинский Герой из одноименного стихотворения 1830 г. предстают вариациями инварианта героического романтика, воплощающего единство дополняющих друг друга воинственного и поэтического начал. Дон Кихот одновременно является сострадающим чужому горю героиком и сражающимся за свою идею мыслителем-романтиком.

Булгаковского Рыцаря Печального Образа можно отнести к творцам моцартианского типа, который характеризуется гармоничным слиянием комического и трагического, сиюминутного и вечного, неудержимой фантазии и безупречной логики, эмоциональности и рационализма, стремительностью поведения, самоиронией, театральностью мышления и ощущением внутренней свободы художника. Вслед за Ф. Достоевским Булгаков делает «рыцаря бедного» Пушкина своеобразным связующим звеном, обыгрывая данный образ на мотивном уровне. Если у Достоевского пушкинский рыцарь связывает Дон Кихота Сервантеса с прообразом Христа, который должен воплотиться в образе «положительно прекрасного человека» Мышкина, то в пьесе пушкинский образ закрепляет связь булгаковского Дон Кихота, поэта, пророка, жреца и жертвы в одном лице, и «о человеческом» Христа Иешуа Га-Ноцри.

Сближает Мышкина и рыцаря Булгакова и своеобразное пародийное юродство как форма противостояния несправедливости.

Во втором разделе «Пародирование неклассической традиции донкихотства в пьесе М. Булгакова “Дон Кихот”» анализируется специфика переакцентуации драматургом неклассического этапа освоения мифа о Дон Кихоте. Значительное влияние на переакцентуацию донкихотства в пьесе оказали ключевые идеи Серебряного века. Центральное место в пародийном замысле драматурга отводится

творческому мифу о Дульцинее Ф. Сологуба. Булгаковский Дон Кихот и донкихотствующий художник Сологуба занимают по отношению к действительности активную позицию преобразования жизни искусством. Преодолевая сопротивление грубой материи существующей реальности, героический романтик Булгакова творит свой идеал, то, что должно быть. «Неутомимой фантазией» лирического поэта он создает из грубой Альдонсы прекрасную Дульсинею. Трагикомическое пародирование в пьесе, по сути, выворачивает миф о Дульсинее наизнанку. Булгаковский «демон поэта» Сансон Карраско не искушает Дон Кихота величием творца, а, разоблачая «безумного» рыцаря, низвергает мечту героического романтика. Очищающее испытание-отрицание, приобретающее форму признания поэтом действительности, укрепляет веру Дон Кихота в идеал. При этом Альдонса превращается в Дульсинею Рыцаря Печального Образа, оставаясь «околдованной» зримой крестьянкой Альдонсой от начала до конца пьесы.

В драме Булгакова обнаруживается преломление донкихотовской традиции Д. Мерзжковского, раскрытой в стихотворении «Дон Кихот» 1887 г. Героев Мерзжковского и Булгакова роднит евангельски-мессианская убежденность в истинности прекрасного идеала, но донкихотовскую ситуацию оба писателя определяют как трагически безнадежную. На земле всем пророкам и поэтам остается лишь вера в непреходящую ценность мечты и «безумное» ожидание прекрасного.

Героико-романтическая интерпретация образа Дон Кихота дополняется пародированием концепции Вяч. Иванова о новом индивидуализме в поэтическом творчестве, миссия которого, по мнению автора, состоит в теургическом жизнестроительстве. Булгаковский рыцарь наследует как героическую гордость и богоравную щедрость вечного типа, названного Ивановым Дон Кихот-Лир, так и бунтарство и стремление к самоутверждению типа Гамлет-Макбет. В амбивалентной двойственности булгаковского Дон Кихота в качестве трагикомической вариации также отражается тип рыцаря-монаха, охарактеризованный А. Блоком как тип одинокого странника, кажущегося окружающим опасным чудачком, нерасторжимые доброта и воинственность которого дополняют друг друга, поскольку этого требует служение рыцаря-монаха, отстаивающего свой идеал и словом, и делом. В своем творческом подвиге Дон Кихот Булгакова приближается к символистскому «нарциссическому пигмалионству». Преображая грубую материю в идеал, «дульцинируя» мир, герой реализует поэтическое «я», осуществляется как художник, творя собственный мир. Обнаруженные типологические связи позволяют предположить, что более детальное исследование влияния русской религиозной философии начала XX в. и художественных концепций Серебряного века на проблему судьбы художника поможет в дальнейшем по-новому взглянуть на общие художественные особенности творчества Булгакова в целом.

Традиционное для русского донкихотства отвержение существующего порядка вещей в творчестве Булгакова обрело форму лично переживаемого отрицания несвободы художника в условиях жесткого диктата и контроля извне. Мечтатель и сумасброд Сервантеса в пьесе Булгакова превратился в творца, протестующего против несправедливости и мира, околдованного злом приспособленчества, и мужественно стремящегося реализовать творческое «я» даже в удушающем плену существующей реальности.

Именно Дон Кихот, главный герой одной из последних пьес Булгакова, реализует активный творческий путь, воплощает, в сущности, идеализированный образ художника-рыцаря, готового на подвиг во имя творчества. Более подробное системное рассмотрение творческих типов поэта-рыцаря и поэта-пастуха, как нам кажется, позволит в дальнейшем по-новому раскрыть проблему судьбы художника в творчестве Булгакова.

Для Булгакова, подводящего свой литературный итог в драматургии, прежде всего была важна решимость творческой личности, отваживающейся на бескомпромиссную борьбу во имя идеала, отстаивание своих идей. Драматург, отдававший предпочтение

Великой Эволюции, вероятно, более всего ценил невозможность для истинного художника пойти на сделку со своей совестью, готовность отстаивать свободу творчества до конца. Протест Дон Кихота против несправедливости мира не является борьбой ради разрушения, на первом месте всегда стоит созидание. Это то, что А. Нинов назвал «борьбой за Авторство», то есть, за право на свободное творческое самоосуществление. Главным оружием в этом сражении «за», а не «против» становятся ответственная правда и решительное слово художника, не расходящееся с делом и потому равное рыцарскому подвигу.

В образе Дон Кихота в одноименной пьесе М. Булгакова синтезируются рыцарская героика и ответственность романтического художника перед миром. Раскрывается Дон Кихот в диалоге с персонажами: эмоциональным (Санчо Панса) и рациональным (Сансон Карраско). Они позволяют одновременно осознать принадлежность героя к миру «других» и отчужденность от него.

Пьесу Булгакова можно назвать романтической драмой самоосуществления Дон Кихота-творца. Специфика пространственно-временной организации пьесы, её жанровых особенностей и карнавальной природы выявляет драматическую диффузию буффонады и мистериально-трагического начала.

Диссертант приходит к важному выводу, что пьеса «Дон Кихот» соотносится с романом Сервантеса как с источником вечного сюжета о Рыцаре Печального Образа и является не инсценировкой, а оригинальной драмой Булгакова по мотивам знаменитого романа, ориентированной на миф о Дон Кихоте.

Переакцентуация русского мифа о Дон Кихоте в пьесе Булгакова приобретает форму пародирования классической и неклассической традиций донкихотства. Герой Булгакова сменяет творческие образы чудака, странствующего рыцаря, самозванца, бунтаря, «бедного рыцаря», «лишнего человека», «юродствующего» странника и осуществляет своё творческое «я» как преображающий мир художник-жизнестроитель, Рыцарь Печального Образа.

Диссертация Пономаревой Дарьи Васильевны «Интерпретация вечного образа: поэтика пьесы М. Булгакова “Дон Кихот”» представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о порядке присуждения учёных степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а её автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

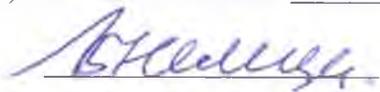
Публикации доктора филологических наук,
профессора Владимира Ивановича Немцева

за 2010-2015 гг.

Статьи	Место публикации	объем
1. Отражение сознания русского дворянина и русского предпринимателя в литературных опытах XVIII века и в трагедии М.А.Булгакова «Бег»: Статья	Гуманитарные исследования. На стыке наук: Сборник статей. Самара: ООО «Издательство АсГард», 2010. С. 167-175.	0,6
2. Жертвы луны, или Наваждения эпохи: Статья	Личность и творчество М.А.Булгакова в социокультурном контексте 20-21 веков К 120-летию со дня рождения мастера: Материалы III Международной заочной научной конференции «Поэтика художественного текста»: В 2 ч. / Под ред. М.Н.Капрусовой, С.Ю.Толоконниковой. Борисоглебск, 2010. Ч. 1. С.38-46.	0,75
3. Определение жанра булгаковского «Бега»: Статья	Творчество М.А.Булгакова в мировом культурном контексте: Сборник научных статей по материалам I и II научно-практических семинаров (11 апреля 2007 г. и 10 апреля 2008 г.) / Отв. ред. В.А.Коханова. М.: МПГУ-Ярославль: Ремдер, 2010. С. 96-100.	0,8
4. Способы изучения художественного наследия М.А.Булгакова: Статья	Русский язык сегодня: Журнал: A Régiók Interkulturalis és Orosz Nyelvi Egyesületének folyóiratára. Budapest, XVIII, évfolyam, 2011/48-49, szám. S. 60-70*.	0,9
5. М.А.Булгаков и культура 20-30-х годов XX века: Статья	М.А.Булгаков в потоке российской истории XX-XXI вв.: Материалы Первых ежегодных чтений, приуроченных к Дню Ангела писателя (Москва, ноябрь 2010 г.) / Музей М.А.Булгакова, составитель: И.О.Мишина и др. Москва: АРТ-менеджер, 2011. С. 4-17.	0,8
6. Рецензия на сборник сочинений венгерских школьников «Булгаков и Высоцкий: избранные труды молодых авторов»	Русский язык сегодня: Журнал: A Régiók Interkulturalis és Orosz Nyelvi Egyesületének folyóiratára. Budapest, XIX, évfolyam, 2012/50-51, szám. S. 44-45*.	0,2
7. Воланд и семантика «врага» в России	М.А.Булгаков в потоке российской истории XX-XXI вв.: Материалы Вторых ежегодных чтений, приуроченных к Дню Ангела писателя (Москва, ноябрь 2011 г.) / Музей М.А.Булгакова, составитель: И.О.Мишина и др. Москва: АРТ-менеджер, 2012. С. 4-22.	1,0
8. Христианские и нехристианские мотивы в романе «Мастер и Маргарита»: Статья	«Наука и культура России», Международная научно-практическая конференция (2013, Самара). IX Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», 23-25 мая 2012 г. [Текст]: [посв. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кириллу и Мефодию: материалы] /редколл.: А.В.Ковтунов [и др.] – Самара, СамГУПС, 2013. С.	0,4

9. Что читаем, как «проходим»?: рецензия на кн: Чудакова М.О. Литература в школе: читаем или проходим?: Книга для учителя. М.: Время, 2013. 288 с.	«Наука и культура России», Международная научно-практическая конференция (2014, Самара). X Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», 21-23 мая 2014 г. [Текст]: [посв. Дню славянской письменности и культуры памяти святых равноапостольных Кириллу и Мефодию: материалы] /редкол.: А.В.Ковтунов [и др.] – Самара, СамГУПС, 2014. С. 209-210.	0,3
* зарубежная публикация		

Официальный оппонент Немцев Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор, специальность 10.01.01 – Русская литература, профессор кафедры теологии ФГБОУ ВПО «Самарского государственного университета путей сообщения». 443066, Россия, г. Самара, Первый Безымянный переулок, д.18. Тел.: приемная ректора (846) 262-41-12. E-Mail: secretar@samgups.ru

Немцев Владимир Иванович. Тел. 89179503715, факс (846)

302-65-17, vnemtsev@bk.ru

24.11.2015 г.

Подпись профессора, д.ф.н.
Ляшенко В.В.

Заверяю Ляшенко В.В. Ученый секретарь
Ученого совета СамГУПС Ляшенко В.В.

